

Eine Bereicherung sind die guten Illustrationen des Buches: Porträts von Wichmann und anderen Gelehrten der permischen Sprachgeschichte, Bilder von Wichmanns Reise nach Udmurtien u.a.

<https://doi.org/10.3176/lu.1992.2.12>

Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка. Сборник статей, Ижевск 1990 (Академия наук СССР, Уральское отделение. УдМНИИ). 176 с.

Рецензируемая работа продолжает серию диалектологических сборников и включает статьи, посвященные исследованию малоизученных вопросов диалектологии и лексикологии удмуртского языка. До сих пор объединялись статьи по диалектологии и ономастике, по диалектологии и истории пермских языков. Кроме того, издаются сборники по отдельным говорам, диалектам, наречиям. Большая работа ведется по сбору диалектных текстов и их публикации. В частности, уже увидели свет сборники текстов по северному наречию и срединным говорам, южноудмуртскому наречию и т. п. В настоящее время готовится к выпуску следующий сборник по проблемам диалектологии. Таким образом, слабо изученная до недавнего времени область удмуртского языкознания интенсивно пополняется новыми данными.

Первые содержание сборника подразделено на две части: 1) исследования и материалы; 2) обзоры и рецензии.

Открывается он статьей Г. А. Архипова «Деривационные аффиксы имен в слободском говоре удмуртского языка». Автор указывает, что для слободского говора характерны аффиксы *-а*, *-ал*, *-йэм*, *-ка*, *-но*, *-ол'ок*, *-ча*, *-ы* и т. д. Многие из них встречаются в других диалектах и в литературном языке, причем в основном в словах собственно удмуртского или общепермского происхождения. По мнению автора, изучение системы деривационных аффиксов отдельного говора поможет выяснить вопросы истории национального и других родственных, а также неродственных, но контактирующих или контактировавших в прошлом языков.

Список гибридных удмуртско-тюркских и тюркско-удмуртских антропонимов приводит М. Г. Атаманов в статье «Гибридный удмуртско-тюркский пласт антропонимов». Отмечается, что удмуртская антропонимическая система развивалась в

им Сборноманд sind Wissenschaftler aus Udmurtien, Komi, Estland, Ungarn, Rußland und Tatarien vertreten.

В. И. OSIPOV (Omsk)

контакте с именниками соседних народов, в частности, ощутимое влияние на нее оказали тюрки и славяне. М. Г. Атаманов анализирует имена Анибей, Гербай, Гидибей, Гульнамер, Чечибей, Юсулы и другие. Самым распространенным тюркским компонентом в гибридных антропонимах удмуртов выступает *бей* 'князь, правитель, вождь'. В настоящее время рассматриваемые имена очень редки — в среде старшего поколения некрещенных удмуртов Татари, Башкирии, Пермской области, отдельных деревень южной Удмуртии.

В последнее время большую работу по исследованию удмуртской синонимии проводит В. М. Вахрушев. В печати обсуждался предложенный для будущего словаря список слов-синонимов. В рецензируемый сборник вошла его статья «Лексические синонимы в удмуртском языке», в которой автор опирается на теоретические труды В. В. Виноградова, А. П. Евгеньевой, А. Б. Шапиро, А. Н. Гвоздева и других. Все синонимы подразделяются на идеографические и стилистические. Употребляются они в функциях замещения и уточнения. На большом количестве примеров В. М. Вахрушев проследил наличие синонимических рядов частей речи. Как и ожидалось, синонимами богаты существительное и глагол, наречие и образительные слова. Автор уделит внимание абсолютным и относительным синонимам, синонимам-дублетам. В частности, в ряду *лушканы*, *вораны*; *капыръякы* многокр.; *капыртыны*, *капылтыны*, *ыбыштыны* 'красть, украсть, воровать, похищать; тащить, тянуть (разг.); переть (прост.); шарить по карманам' *вораны*, *лушканы* — абсолютные синонимы, по отношению к ним остальные — относительные (с. 29). Синонимические ряды по структуре представляют собой отдельные слова, словосочетания, фразеологизмы и т. д. Литера-

турный язык существенно обогащают диалектизмы, употребляемые писателем — носителем того или иного диалекта. Для русского названия растения и цветка колокольчик в удмуртском языке зафиксировано девять наименований: *куакапурты, гырлысяска, куакагырлы, гырлы, куакасин, куакатурын, пуртысяска, узы сиён сясыска, көчопурты*. 15 наименований имеет гриб масленок и т. д. Данные слова автор тоже относит к синонимическому ряду. Наличие такого количества наименований, с одной стороны, обогащает язык художественного произведения, с другой, из-за отсутствия ботанической терминологии, приводит к разному в употреблении тех или иных терминов.

Свой вклад в составление единого терминологического словаря вносит Б. Ш. Загуляева статьей «Названия растений в удмуртских диалектах». Ею рассмотрены некоторые ботанические термины в аспекте семантической мотивированности, словообразовательной структуры и происхождения. Проанализированы такие понятия, как василек, подорожник, тысячелистник, смолка, пижма обыкновенная, колокольчик, рогоз широколистный, полынь горькая, хвощ полевой, белена черная, мать-и-мачеха, ромашка лекарственная. Для каждого из них приведена карта с указанием диалектных вариантов. Например, для названия василька в удмуртских диалектах имеется около 11 вариантов наименования.

Т. И. Зеленина в статье «Об интернациональной лексике в современном удмуртском языке (романо-германский пласт)» рассматривает русский и удмуртский языки в плане ареальной лингвистики — на материале заимствований или общих слов, заимствованных из других языков (здесь — романо-германской группы). Она утверждает, что около тысячи лексических единиц, относящихся к романо-германским, через русский язык попали в удмуртский. Они зафиксированы в «Удмуртско-русском словаре» (1983 г.). По языковым группам распределение таково: на романские языки в русском приходится 61%, на германские — 39%; в удмуртском языке соответственно 69 и 31% (с. 55). Среди романских языков лучше других представлен французский. Выделяются и тематические группы. Автор констатирует, что в каждой из них разли-

чен удельный вес тех или иных языков. Новые языковые единицы в удмуртском языке образуются от заимствованных слов аффиксальным способом, путем словосложения и конверсии.

Вся исследованная лексика включена в «Удмуртско-русский словарь». Однако сомнительно употребление в речи удмуртов слов типа *антрекот, коктейль, пудинг* и т. п. Нам кажется, что эти слова искусственно включены в словарный состав удмуртского языка. Кроме того, удмуртский язык старается избегать стечения неудобопроизносимых сочетаний согласных, поэтому не вполне ясен пример *консерв 'консервы'* (60 с.). Наверно, правильнее было бы *консерва*.

Одному из северноудмуртских говоров посвящена статья Л. Л. Карповой «О некоторых морфологических особенностях дёбинского говора». Автор описывает особенности существительного, прилагательного, числительного и глагола. В отличие от восточных говоров северноудмуртского наречия, в западных, в том числе и дёбинском, встречаются особые падежные формы с элементом *-н'*, образовавшиеся в результате выпадения слога *д'и-* от послелогов *дин'ын, дин'эс, дин'эсэн* и т. д.: *эшэн'н 'у друга, эшэн'эс 'от друга'*. Свообразно употребление конструкций типа *луччэзгэм < луччэ + гэм, умнойгэм < умной + гэм*. Здесь к русским прилагательным примыкает удмуртский суффикс сравнительной степени. Последняя иногда передается обоими вариантами суффикса: *гордэгэсгэм 'более красный'*. Для образования превосходной степени используются усилительные слова типа *йун, йун л'эк, л'экос, дотово* в значении 'очень, слитком, исключительно'. Числительные северноудмуртского наречия отличаются обильным употреблением русских заимствований. Не составляет исключения в этом отношении и дёбинский говор. В отличие от южноудмуртского наречия глаголы притворной модальности в исследуемом говоре образуются преимущественно аналитически. Свообразно образование возвратных глаголов: к основе русского возвратного глагола добавляется вспомогательный глагол *карэскъны: доби-тса карэскъны 'добиться'*. В конце статьи автор предлагает образцы речи на дёбинском говоре.

О значении диалектных данных как

источника исследования исторической фонетики удмуртского языка рассуждает В. К. Кельмаков в статье «Современные диалекты и вопросы исторической фонетики удмуртского языка». В силу ряда причин памятники удмуртской письменности обладают незначительной лингвистической информативностью, поэтому диалектные факты занимают одно из ведущих мест среди источников по истории языка. Во-первых, они позволяют реконструировать систему гласных и согласных фонем не только на фонологическом уровне, но и на фонетическом. В одних случаях удмуртские диалекты обнаруживают корреспонденции идентичных фонем, в частности *a*, в других — различную рефлексию, например **ŋ*. Во-вторых, материалы современных диалектов позволяют уточнить некоторые закономерности фонемной синтагматики праудмуртского периода. В-третьих, на базе описательной диалектологии и лингвистической географии определяются временные отношения между различными фонетическими процессами, например, переход общепермского анлаутного **r*- в аффрикаты *ʃ*- и *ʒ*-, массовое сужение древнего *o* в *y* во всех удмуртских диалектах, переход анлаутного **j*- в *l*- в позиции перед *-Vκ(-)* и *-Vε(-)* имеет более раннее происхождение, чем те процессы, которыми охвачены единичные периферийные диалекты (с. 91). В-четвертых, эти материалы позволяют в отдельных случаях устанавливать причины возникновения некоторых фонетических явлений и процессов.

О происхождении ономастов размышляет С. В. Соколов в статье «Некоторые особенности этимологизации ономастов (на материале названий птиц)». Автор согласен с венгерским ученым Кишем в том, что при возможности этимологизации слова и как исконного, и как заимствованного в равных прочих условиях этимолог вправе предпочесть первое.

Статья И. В. Тараканова «Термины цветообозначения в удмуртском языке в сравнении с коми, марийским и мордовскими языками» продолжает серию работ, начатую в 1975 г. По мнению автора, лексико-семантическая группа, называющая цвет, в удмуртском словнике не превышает 50 корневых слов, а с производными, выражающими цветовые оттенки, она составляет более 150 единиц. Многообразие

цветового тона сосредоточено вокруг восьми основных абстрактных наименований:

горд 'красный', *курень* 'коричневый', *чуж* 'желтый', *вож* 'зеленый', *сьбд* 'черный', *тöды* 'белый', *пурьсь* 'серый', *лыз* 'синий' (с. 103). Для обозначения масти животных и оперения птиц существует специальная лексико-семантическая группа. Подробно анализируется каждое из восьми наименований; описывается употребление их в диалектах, при возможности проведен этимологический анализ, в отдельных случаях даны примеры из художественных текстов. Не хотелось бы согласиться с автором в том, что слово *курень* 'коричневый' не употребляется в северных диалектах удмуртского языка. В верхнечепецких говорах североудмуртского наречия оно бытует. По происхождению цветоименования делятся на следующие группы: 1) собственно удмуртские: *тöды* 'белый', *пурьсь* 'серый', *луд* то же, *лемлет* 'розово-красный' и т. д.; 2) заимствованные: из русского: *льоль* (< *лиловый*), *химической* 'химический, фиолетовый'; из болгарского: *чагыр* 'голубой, сизый', *курень* 'коричневый, бурый'; из татарского: *бурлат* 'красный', *шамай* 'фиолетовый', *зангари* 'васильковый, голубой' и т. д.

Г. А. Ушаков в статье «Текстообразующая роль диалектизмов и просторечных слов в произведениях художественной литературы (на материале романа Г. Перовщикова «Йыбыртты музъемлы»)» отмечает, что при анализе языка художественного произведения с точки зрения диалектизмов недостаточно лишь количественных измерений, необходимы функциональная характеристика и определение их текстообразующей роли (с. 127). Основная функция диалектизмов в романе — создание текстов разговорного стиля. Диалектная лексика участвует в дифференциации речи героев, служит показателем психологического состояния персонажей. Тем не менее, часты случаи злоупотребления диалектизмами, из-за чего затрудняется восприятие произведений, снижается сила их воздействия.

Первой попыткой сравнительно-сопоставительного анализа фразеологических единиц в марийском и удмуртском языках является статья Э. С. Якимовой «О сопоставительном изучении фразеологизмов в марийском и удмуртском языках». Автор приходит к следующим выводам:

1) В обоих языках много совпадений среди исконных фразеологических единиц. Они отражают бычаи народа, исторические социальные корни, реалии, поверья, предания и т. д. К ним относятся, например, мар. *шинча возаш* — удм. *син усъкытыны* 'сглазить'. 2) Наибольшую группу составляют соматические фразеологизмы: мар. *кужу кидан* — удм. *кыыз кузь 'вор'*; мар. *кидше толеш* — удм. *кыыз мынэ* 'мастер дела'. Не лишним было бы, однако, указать в списке литературы источник удмуртских примеров.

В. К. Кельмаков в статье «Замечания и дополнения к «Уральскому этимологическому словарю» I (Выпуски II и III)» информирует об удмуртском материале,

М. Кузнецова, Названия диких домашних животных в марийском языке. Магистерская работа, Тарту 1991.

29 декабря 1991 г. в Тартуском университете состоялась защита диссертации М. Кузнецовой на ученую степень магистра философии. Событие неординарное для марийского языкознания — первая и пока еще единственная защита по марийскому языку на звание магистра философии, проведенная в зарубежной стране Эстонии.

М. Кузнецова — ныне преподаватель кафедры иностранных языков Марийского университета, в недалеком прошлом аспирантка кафедры финно-угорских языков Тартуского университета, ученица известного финно-угроведа профессора П. Алвре, под чьим научным руководством и выполнено исследование. Официальными оппонентами на защите были доктор филологических наук профессор А. Кюннап (Тарту), доктор филологических наук профессор И. Иванов (Йошкар-Ола), кандидат филологических наук П. Кокла (Таллинн).

В период учебы в аспирантуре Тартуского университета М. Кузнецова выполнила интересное исследование объемом в 310 машинописных страниц. В качестве объекта она выбрала тему, которая долгое время оставалась вне поля зрения исследователей — названия диких и домашних животных. Выбор темы не случаен и своевременен. Марийцы, народ с незапамятных времен связанный с ле-

который представлен в двух выпусках, и критически осмысливает с позиций удмуртского языкознания отдельные словарные статьи.

Сборник включает статья о видном финно-угроведе, профессоре Удмуртского университета И. В. Тараканове, посвященная 60-летию со дня его рождения.

Материал сборника представляет интерес не только для ученых филологов, но и для преподавателей, учителей, студентов, для всех интересующихся состоянием удмуртского языкознания. Некоторые неточности, опечатки технического характера не умаляют его значения.

А. А. АЛАШЕЕВА (Ижевск)

сом и проводивший большую часть жизни в лесу, конечно же, не могли равнодушно созерцать окружающую их фауну. Нередко жизнь семьи, ее благополучие в те далекие времена зависели от окружающего животного мира. И сейчас животноводство — одна из основных сфер их производственной деятельности. Древний мариец, безусловно, хорошо знал окружающую его природу, фауну, повадки зверей и способы их добычи. Все это, естественно, отразилось в его языке.

В марийском языке имеется довольно много названий животных — все обитающие в крае животные получили свои наименования. Автор обнаружила в марийском языке более 400 слов, представляющих разные виды диких и домашних животных. До этого точно не было известно, какую долю в лексическом богатстве марийского языка занимают зоонимы. Это, несомненно, большая заслуга молодого исследователя. Ею выявлены, собраны и приведены в систему, можно сказать, все названия, встречающиеся в языке, включая самые малоизвестные диалектные варианты. Важное научное значение имеет выявление исследователем всех возможных вариантов того или иного зоонима — как опубликованных, так и неопубликованных. Некоторые варианты представлены десятками единиц (например, № 2, 8, 17, 57, 81, 88, 111, 116, 125